

ЭКСПЕРТИЗА СРЕДСТВ И МЕТОДОВ обучения в России пока отдыхает

Алексей Кушнир

Алексей Кушнир предлагал инновационную методику педагогической экспертизы обучения, профессионализма педагогов и учебной литературы. Предложенные преобразования существующей системы способны повысить эффективность нашей школы и учебной литературы.

• экспертное сообщество • педагогическая экспертиза • учебная литература
• экспертиза учебников • образовательные инновации • система образования • образовательная стратегия • родительская экспертиза

До недавнего прошлого единственным специализированным институтом экспертизы в образовании был Федеральный экспертный совет (ФЭС), имевший общественно-государственный статус, но полностью подконтрольный Минобрнауки. ФЭС принимал решения методом голосования уважаемых людей. Но что такое голосование в науке? Научность такой процедуры, несмотря на наличие учёных степеней у участников, вызывала у зрителей и статистов явное сомнение. Теперь в основание модернизации экспертной деятельности, призванной обеспечить научность, гласность и независимость экспертизы, положена идея преодоления монополии аппарата Минобрнауки (реализуемой через ФЭС) путём участия

в процедуре РАН и РАО. Монополию, может быть, и преодолеем. Но станет ли экспертиза от этого более научной?

На наш взгляд, если России нужна научная экспертиза учебников, то её научность должна вытекать не из авторитета больших и малых академий, а быть очевидной, лежать на поверхности, бросаться в глаза в силу адекватности процедуры. Процедура экспертизы должна обладать свойствами априорной объективности, вызывать к себе доверие уже только тем, что технология экспертной работы исключает какие-либо иные основания или аргументы для принятия решений, кроме научных.

Если России нужна независимая экспертиза, то эта независимость тоже должна быть очевидной и не вызывать малейших сомнений.

Научная и независимая экспертиза, в основании которой лежат научные методы изучения объекта, не нуждается в секретности, она может быть открытой и гласной. Если эксперт опасается поставить своё имя.

Если у нас будет научная, независимая, открытая и гласная экспертиза, то вопрос участия РАН и РАО не принципиален. Могут участвовать, а могут и не участвовать, поскольку это вопрос технологии, а не числа или авторитета участников.

Раньше ФЭС оперируя процедурами, в которых экспертиза «что дышло», выполнял прямые указания руководства. Теперь ФЭС, РАН и РАО будут выполнять указания более высокого руководства. Вмешательство в деятельность экспертной службы станет более редким, но останется до тех пор, пока к этому будет располагать технология экспертизы. Таким образом, реальная реформа экспертной деятельности в образовании связана прежде всего с изменением её технологии.

Именно технология деятельности ФЭС, с её голосованием, зависимостью, закрытостью и прочими атрибутами «карманной» службы послужила причиной приостановки её деятельности. В инструментальном арсенале ФЭС никогда не было прозрачной и общепризнанной в научном мире процедуры с чёткими критериями и шкалами. Отзывы и заключения экспертов с последующим голосованием членов Совета — это не экспертиза, а обмен мнениями. В мировой практике стандартизированные и технологизированные процедуры экспертизы давно используются, но они не в нашей традиции. Наша национальная традиция — обеспечить успех «своим» и отсеять «чужих». Хотелось бы надеяться, что «национальные особенности» экспертизы учебников будут преодолены, и новое издание федеральной

экспертной службы не окажется технической заменой уровня управления на более высокий.

«Национальные особенности...» — это то, что поддаётся изменению в последнюю очередь. Нет ничего удивительного в том, что предыдущие попытки оптимизировать экспертизу систем и средств обучения ни к чему не привели, а средства займа Международного банка реконструкции и развития «распилены» впустую: ФЭС пришлось распустить. По всей вероятности, никто и не рассчитывал на прорывное решение проблемы: в тендерах на создание концептуальной модели экспертной службы одна за другой побеждали организации, не имевшие ни опыта, ни отработанных технологий, ни теоретического задела в области создания и эксплуатации экспертных систем. Да и теперь вопрос отдан на откуп не специалистам в экспертной деятельности, а издателям — производителям учебников, заинтересованным лицам.

Мировая практика однозначно свидетельствует: пока экспертная служба будет оставаться государственной, она будет коррупционной. Это неистребимое свойство любой разрешительной системы монопольного типа. Развитые страны давно уже нашли адекватные организационные технологии, позволяющие в кратчайшие сроки ломать коррупционные узлы. Наглядным примером разрешительной системы монопольного типа является наша славная ГИБДД. Наш Законодатель ещё лет десять будет имитировать озабоченность и борьбу с коррупцией на дорогах, увеличивать штрафы, при этом категорически не трогая технологию. Либо создаётся и законодательно закрепляется технология отъёма денег у граждан, для этого нужны длинные и сложные процедуры оформления документов, снять номера, отправить авто на штрафстоянку, либо создаётся и внедряется технология, однозначно исключая возможность, а главное, мотив дать взятку.

Главный инструмент преодоления коррупции в мировой практике — вывод максимального числа функций за пределы ответственности государства. Зачем давать взятку за прохождение техосмотра, если нет очередей? А устранение очереди — проблема чисто технологическая. Кому платить взятку за талон о техосмотре, если техосмотр можно пройти в любом автосервисе, где тут же устранят имеющиеся недостатки? Зачем автосервису получать взятку рискуя репутацией и лицензией, дающим приток постоянных клиентов, или опять же рисковать лицензией и прибылью, выдавая свидетельство о приемлемом техническом состоянии на неисправный автомобиль? Если автомобиль попадёт в аварию по причине неисправности, то мастерская понесёт убытки. Простой и понятный механизм. Мы же изо всех сил удерживаем процедуру в недрах ГИБДД с помощью аргументов, которые не могут не вызывать ироническую улыбку. Так же и наше стремление удержать процедуру экспертизы учебников в руках чиновников есть не что иное, как стремление чиновников сохранить контроль над неслабыми финансовыми потоками. Государственное учреждение типа ФЭС в силу монопольности своего положения по определению не могло быть или стать беспристрастным, и тем более работать в интересах общества и личности. Это только в теории государство представляет и защищает интересы человека.

Негосударственных экспертных институтов у нас пока тоже нет. В итоге, наши дети подвергаются в школе воздействию учебников и других средств обучения, находящихся вне научного поля. Это не означает, что они плохи, из сказанного следует, что они не были подвергнуты научному анализу и научной проверке. Параметры такой проверки можно обнаружить в любом практикуме по эксперименталистике для студентов педвузов или психологических факультетов. С помощью того же «Практикума...» можно заодно убедиться в том, что апробации учебников или систем обучения в сложившемся формате не имеют к науке никакого отношения так же, как и голосование или обмен мнениями уважаемых людей. В тех же учебниках можно ознакомиться и с практикой обеспечения независимости экспертизы, и с приёмами научного анализа экспериментальных данных.

ОСОЗНАННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Совершенно очевидно, что институты РАО, также как и Федеральный институт развития образования Минобрнауки экспертизу учебников осуществлять не должны по определению, поскольку сами являются производителями такого рода продукции. В далёком прошлом в научно-педагогическом сообществе существовало понимание несовместимости этих функций. Для институтов и специалистов АПН действовал запрет на разработку учебников, например. Научный штаб отрасли должен был оставаться беспристрастным. Сегодняшняя ситуация, когда РАО наделена полномочиями проводить экспертизу, и, одновременно, сама является производителем средств и методов обучения, недопустима как с позиций научной этики, так и с позиций рыночной экономики.

Последняя дискуссия, развернувшаяся в обществе по этому поводу, в очередной раз свелась к спорам об адекватности передачи учебниками научной картины мира с позиций физики, математики, истории, лингвистики и т.п., то есть к предметоцентризму, что само по себе является методологической ошибкой. Очень кстати подвернулся скандал с учебником истории России Игоря Долуцкого. Он возник вокруг содержания и оказался своевременной дымовой завесой, позволяющей отсрочить серьёзный разговор по поводу педагогической составляющей этих самых учебников. Новая схема, согласно которой об информационном содержании учебников будут судить учёные РАН, а педагогические подходы останутся в ведении педагогических академиков, — это лучший способ законсервировать педагогическую составляющую в известном состоянии на неопределённый срок. Технология экспертизы останется прежней — обмен мнениями уважаемых людей. Что до академиков РАН, то они и раньше участвовали в работе ФЭС, но это не спасло уважаемую организацию от роспуска.

Экспертная служба в системе образования должна быть построена по типу любой другой исследовательской деятельности. Разработчики средств и методов обучения должны бороться за гранты на их разработку, а организации, имеющие необходимые опыт и инфраструктуру, — бороться за гранты на осуществление экспертизы этих разработок.

А что делать, пока такой службы — независимой и беспристрастной, способной, если надо, осуществить независимую апробацию перспективного образовательного инструмента, нет и в помине? По меньшей мере, исповедовать профессиональную честность.

Профессиональная честность в данном контексте состоит в том, чтобы не прятаться за спущенные сверху программы и рекомендованные учебники, а быть на стороне ребёнка. И это вопрос даже не научной компетентности, а вопрос нравственности и гражданского мужества.

Встречаясь с учителями и управленцами, автор многократно воспроизводил для слушателей хорошо аргументированные сюжеты (кейсы), описывающие случаи, когда методика работы и учебные средства, зачастую имеющие гриф, противоречат самым элементарным, почерпнутым из учебников психологии, физиологии знаниям о человеке.

Всякая педагогическая технология, имея дело с человеком, являясь инструментом воздействия на человека, должна опираться на научные достижения человековедческих наук. В качестве примера конкретные педагогические действия или информационно-содержательные материалы рассматриваются в контексте того, что в норме психика проявляет себя целостно, поэтому в наиболее общем случае педагогический процесс должен быть адекватен «двухполушарности» человеческого мозга, а не подстраиваться под правополушарные функции у одних, и левополушарные у других. То есть обучение (методика, учебник) должно опираться на наиболее общую

закономерность, а не на учёт «особенностей». Но в школьной практике наблюдается абсолютное доминирование в обучении «левополушарных» процессов, многолетняя депривация «правополушарных» функций психики и перегрузка «левополушарных». Практики, как правило, признают факт несоответствия школьной технологии известным психологическим фактам и соглашаются с тем, что это серьёзная угроза здоровью детей.

Далее, как одну из общих закономерностей психогенеза рассматриваем тот факт, что комфортный для человека режим деятельности характеризуется доминированием произвольных процессов в сравнении с произвольными. Это соотношение в норме составляет, примерно, 80% — произвольность и 20% — произвольность. Такое соотношение и следует закладывать в общих педагогических технологиях. Наш учебный процесс на 90% состоит из произвольных — трудозатратных, энергоёмких, утомительных — процессов. Это прямой ущерб здоровью. И аудитория с этим безоговорочно соглашается.

Важнейшим регулятором человеческой деятельности является мотивация. Если обучение выстроено на внутренней мотивации ученика, она гарантирует успех, преобладание принуждения ведёт к разрушению деятельности. Оптимальное соотношение мотивации «хочу сам» и «меня вынуждают» находится в пределах 80% к 20%. Если учащийся действует, преимущественно, по принуждению, это также явная угроза здоровью. Никто не спорит!

Рассматриваем одно из наиболее используемых в педагогике понятий — «возрастную сензитивность психики». Учащийся может быть сензитивен или несензитивен для конкретных видов информации, способов её представления и способов деятельности. Трудно считать обоснованными педагогические действия, когда ребёнку предлагается делать то, к чему в данном возрасте он не сензитивен. Тем самым

транжирится время, которое можно было бы посвятить тому, что буквально впитывается и идёт в рост в данном возрасте. Примером игнорирования возрастной сензитивности является «кормление» младших школьников грамматикой. Существует целая педагогическая традиция действовать вопреки сензитивности, настаивая на «развитии» качеств и способностей, время которых ещё не пришло или ушло безвозвратно. В итоге — навсегда утраченные возможности: то, что могло раскрыться, будь на то время и возможности, не раскрылось, а то, что пытались развить насильно, проявилось в пределах среднестатистической нормы. Но подобная педагогическая тактика — дело обычное! Как правило, в аудитории нет ни одного педагога, который настаивал бы на том, что закономерностями психогенеза надо пренебречь, и толкать ребёнка туда, «куда не влечёт природа».

Важным критерием научного качества педагогической технологии является соотношение самостоятельности и несамостоятельности в деятельности учащегося. Поскольку оптимальное соотношение этих параметров деятельности весьма индивидуально, наиболее общим желательным признаком следует считать возможность свободного дрейфа между самостоятельностью и зависимостью в учебной работе. Примером безграмотного конструирования учебного процесса является навязывание ребёнку работы в «зоне ближайшего развития», где, согласно Л.С. Выготскому, ребёнок не может осуществлять деятельность самостоятельно, но может с помощью взрослого. Преобразование «зоны несамостоятельности» в ущерб деятельности, которую ученик может осуществлять сам, деформирует личность в сторону зависимого или протестного поведения. Признаком грамотной организации обучения в данном аспекте будет наличие возможности для ученика свободно выбирать меру самостоятельности и несамостоятельности. Ищем вместе с аудиторией такие возможности в повседневной практике. Находим, но редко и мало.

Критериями, относительно которых оценивается научность педагогической технологии, могут быть и более частные факты психогенеза, установленные научными методами. В качестве примера рассматриваем феномен разницы в качестве запоминания завершённого и незавер-

ОСОЗНАННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОСТИ

шённого действия (эффект Б.В. Зейгарник). Незавершённое действие запоминается легче и прочнее. Если в конкретной педагогической технологии запоминанию отводится существенное место, то игнорировать эту известную психологическую закономерность по меньшей мере странно. С этим также все согласны, удивляются, что раньше не приходила в голову мысль о том, что психология и методика не сами по себе, а должны находиться в закономерном симбиозе...

В итоге развернувшейся дискуссии аудитория неизбежно приходит к выводу о страшном разрушительном воздействии школьной технологии на здоровье детей.

За что, спрашивается, мы так ненавидим наших детей, что с упорством, заслуживающим лучшего применения, обрушиваем на них эту самую технологию, и ещё удивляемся поголовной утрате детьми здоровья? И тут звучит неожиданное:

- При чём здесь мы?
- Мы не виноваты!
- Это программы такие!
- Это учебники такие!
- Это Министерство!..
- Это Академия!..

Если эти педагогические промахи, ошибки, глупости столь очевидны, лежат на поверхности, и мы только что научились их распознавать, то с завтрашнего дня начинаем новую жизнь? Прекращаем гробить здоровье самого бесценного нашего достояния — детей?

— А что мы можем сделать? У нас Программы! Это Вы там, наверно, скажите...

Говорю!

Если бы ситуация не была воспроизведена в двадцатый раз, я не осмелился бы высказать столь дикую, кощунственную

мысль: для нашего учителя Программа важнее ребёнка, даже если речь идёт о его здоровье. Во-первых, учителя надо было довести до такого понимания профессионального долга: Программу любой ценой! Нам надо на уровне образовательной политики определиться: что важнее? Ребёнок и его здоровье, или её Величество Программа? Будем считать это прямым вопросом Министру, требующим ответа.

Во-вторых, это действительно вопрос не научной компетентности, поскольку этой компетентности достаточно в элементарном учебнике, это вопрос профессиональной честности, нравственности и гражданского мужества. Пойти против Программы, против учебника с грифом «Рекомендовано...», против местных функционеров, опасющихся любого шума... Нужен характер!

И это, в третьих, вопрос существования в стране нефиктивной экспертизы учебников, образовательных технологий и прочего школьного инструментария — экспертизы научной, независимой, гласной, одним словом, противоположной той, которую осуществлял ФЭС. Хватило же кому-то ума прикрыть эту практику, может быть хватит и на то, чтобы не городить новую запруду с мутной водой.

Есть такие по важности вопросы, которые необходимо решать не в суете контроля финансовых потоков, и не в логике охраны особо одарённых издательских монополий, а в логике проектирования будущего, запуска самоорганизации и самооздоровления. Именно к таким — судьбоносным — вопросам относится вопрос об экспертизе средств и методов обучения.

А то ведь пользуясь её отсутствием иные «горячие головы» призывают иметь не боль-

ше двух-трёх учебников по предмету, утверждают, что конкуренция в этом деле — дело вредное, и, само собой, умалчивают, что выпускать их будут только правильные издательства... Тогда, конечно, появление открытой, гласной, независимой и хорошо аргументированной экспертизы не ко двору. Но на наш взгляд, учебников может быть и сто, но каждый — с общедоступным экспертным заключением, с рейтинговым номером, с открытым форумом.

Хочется верить, что у нас в системе образования, рано или поздно, но появится такая экспертная служба, которая будет служить интересам детей. Позиция эта должна быть заложена в самую функциональную организацию службы, в технологию экспертизы, а не вытекать из учредительных деклараций.

А если не появится, то, возможно, найдутся другие «горячие головы», которые, вняв призывам Министра А.А. Фурсенко создавать общественные институты управления образованием, создадут Родительский экспертный совет, для которого интересы самого-самого издателя или самого-самого чиновника едва ли окажутся приоритетнее интересов собственных детей. И тогда «открытая, гласная, независимая и хорошо аргументированная экспертиза», осуществляемая с помощью независимых специалистов, с применением прозрачной сетевой процедуры, может стать новым аргументом образовательной политики.

Уверен, что мнение «родительской» экспертизы, с её современными сетевыми возможностями, перевесит позицию всех академий, вместе взятых. Ведь самоотверженность родителей, защищающих собственных детей, беспредельна. **НО**